

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

Литература

1. Р.Хеннинг. Неведомые земли. Т. Ш. М., 1963.
2. H.Cordier. Jean de Mandeville. - T'oung Pao. 1891, t. II, № 4.
3. M.Eliade. Myth, Dreams and Mysteries. N.Y., 1975.
4. B.Lauffer. Asbestos and Salamander. An Essay in Chinese and Hellenistic Folk-Lore. - T'oung Pao. 1915, t.16, p. 299-373.

А.Л.Хосроев

КТО БЫЛ АВТОРОМ "ПОУЧЕНИЙ СИЛЬВАНА"?

Последнее слово в изучении истории раннего христианства еще не сказано, и если одни стороны этого сложного явления до сих пор остаются в тени (напр., мы очень мало знаем о первых шагах христианства в Египте), то другие, благодаря археологическим раскопкам и находкам новых письменных памятников, теперь переосмыслены. Так, находки в районе Наг Хаммади 13 коптских книг-кодексов, содержащих около 50 ранее не известных гностических, христианских и герметических текстов, заставили ученых по-новому взглянуть на одно из самых малопонятных явлений первых веков н.э. - гностицизм, иначе оценить его связь с христианством. Если раньше исследователи, приступая к этой теме, имели в своем распоряжении преимущественно вторичные письменные свидетельства (направленные против гностиков полемические труды христианских ересиологов Ириней, Ипполита, Епифания), то теперь мы оказались даже в более выгодном положении чем сами названные авторы, для которых уже во 2-4 вв. не были доступны многие гностические сочинения, открытые спустя полторы тысячи лет среди рукописей из Наг Хаммади.

Но это лишь первая проблема, которая неизбежно влечет за собой другие. Все тексты этого рукописного собрания переведены с греческого, но подавляющая часть этих греческих оригиналов ранее не была нам известна: поэтому встает вопрос о происхождении и природе этих не дошедших до нас греческих сочинений. И вот здесь возникают значительные трудности: ведь по переводу (т.е. вторичному тексту) исследователю предстоит установить, где и когда возник памятник, какому течению внутри христианства, или вне его, он обязан своим происхождением. Задача осложняется еще и тем, что копт-переводчик иногда просто не понимал своего греческого оригинала, и поэтому в коптском тексте встречаются темные места. Тем не менее в ряде случаев изучение отдельного документа позволяет

надежно установить происхождение утерянного греческого оригинала.

Под этим углом зрения обратимся к 4-му сочинению 7-й рукописи из Наг Хаммади,¹ которое названо "Поучения Сильвана" (далее - ПС). Среди остальных четырех текстов этой рукописи ПС является единственным памятником не гностической, а христианской мысли. Мысль автора находится вполне в русле христианской догматики. Бог назван здесь "творцом всякого творения, который всегда существует" (I00.13-14, II5.12-13).² Бога можно постичь только через Христа, который имеет образ Отца (I00.24-26). Христос - это Слово (*λογος*) (I06.24), а божественное Слово - это Бог (III.5). Будучи Богом, Христос "находился среди людей как человек" (I03.32 - I04.2), "будучи Богом, он стал человеком" для спасения человека (II0.18-19). Бог-Отец принес в жертву божественного Сына (II5.15), который "страдает и несет наказание за грех человека" (I03.25-28) и т.д. Спасение доступно всем (ср. 98.26), а не избранному роду людей, которых гностики называли "духовные" (*πνευματικος*) Нет в ПС и противопоставления благого Бога-Отца, творца верхнего мира, незнающему Демиургу, творцу всего несовершенного, - оппозиция, которую мы встречаем в большинстве гностических систем. Наоборот, в словах "пусть никто не говорит, что Бог незнающий! Ибо нечестиво помещать творца (*δημιουργος*) всякого творения в незнание" (II6.6-10) следует видеть полемику против гностических построений.³

Реалии текста позволяют и более точно определить место ПС в раннехристианской литературе. Аллегорический способ выражения сближает ПС с методом толкования библейских книг, который применяли такие александрийские мыслители как Филон, Климент и Ориген, а богословие автора ПС имеет много общего с мыслью Климента и Оригена. В своем понимании бога названные авторы находятся под сильным влиянием платонизма.⁴ Для них Бог трансцендентен: его невозможно поместить в какое-то конкретное место (*τοπος*). Фраза ПС "по своей силе он наполняет каждое место, а в величии его божественности ничто не вмещает его; все находится в Боге, бог же не вмещается ни в чем" (I01.3-II) почти совпадает с утверждением Оригена: "Ибо больше Бог всякого места и вмещает все, что угодно, и нет ничего, что вмещает Бога" (*Sels.VII.34*). Оппозицию "вмещающий - не вместим" по отношению к богу мы постоянно встречаем у Климента и Филона.⁵ Бог не может быть телом (*σωμα*). Автор ПС говорит: "Ведь несправедливо, чтобы мы говорили, что Бог - тело. Ибо следствием этого будет то, что мы даем этому телу рост и убывание. А тот, кто претерпевает это, не может оставаться непрехо-

дящим" (100.6-12). И опять перед нами совпадение с мыслью Оригена: "Нельзя говорить, что Бог находится в некоем телесном месте, иначе следствием этого окажется то, что он тело, а этому сопутствуют нечестивейшие мнения, что он может воспринимать делимое, материальное и тленное" (De or., 23, 3). Альбин, один из представителей "среднего" платонизма пишет: "... ибо если он (т.е. бог - А.Х.) тело, то будет тленным, рожденным и подверженным изменению, а каждое из этих (свойств) немисливо для него" (Didasc., p.166, 11) - и здесь мы отчетливо видим, из какого источника у автора ПС и Оригена идет эта мысль.

Бог скрыт от нас, невыразим и непознаваем, но сам знает все. "Он знает все до того, как это произошло, и он знает тайное сердца" - говорит автор ПС. Фраза Оригена: "... Бог знающий тайны сердца и знающий будущее наперед" (De princ. 3.1.13, PG 11, col.273A) дословно соответствует вышеприведенному отрывку. Также и для Климентя "Бог - знающий все наперед" (Ecl. graph. 21). Первой ступенью на пути познания божества является самопознание. "Ибо никто ... не сможет познать Бога, как он существует, ни Христа, ни Духа... Если ты не познаешь себя, ты не сможешь познать их всех... Стучись в себя самого, чтобы Слово открыло тебе" (IIo. 28-117.9). Эту же мысль, восходящую к глубокой древности, встречаем у Климентя: "Ибо если кто познает себя, увидит Бога, а увидев Бога, уподобится Богу" (Paed. 3.1).

В своем этическом учении (а ПС это в первую очередь этический трактат) автор ПС также имеет близкое родство с Филоном и Климентом, а следовательно со стоицизмом, которому два последних были многим обязаны в своей морали. Основа всякого зла в человеке - это страсти (*πάθος*), борьба против них это прежде всего борьба против страстного желания (*ἐπιθυμία*) и удовольствия (*ἡδονή*). Победивший страсти приобретает "бесстрастие" (*ἀταραξία*), т.е. свободу (*ἐλευθερία*), которая противопоставляется рабству жизни в страстях. Ведущее начало (*ἡγεμονικόν*) в человеке - ум (*νοῦς*) и разум (*λόγος*). Если человек будет следовать этому началу, он победит страсти, в противном случае он уподобится скоту (коптск. **ТВНН** = греч. *κεῖνος*) и т.д. Это - положения общие для автора ПС, Климентя и Филона.

Сопоставив мысль автора ПС с мыслью Филона, Климентя и Оригена, мы можем утверждать, что ПС стоят в тесной связи с трудами названных александрийских авторов и следовательно являются документом александрийского христианства.

И вместе с тем нельзя не заметить некоторые отличительные

особенности ПС. Так, в сочинении совершенно отсутствует учение о Святом Духе, и это позволяет думать, что автор скорее был предшественником Климента, чем его последователем, и следовательно датировать документ временем до Климента, скорее всего третьей четвертью 2 в. Последовательная христианизация стоической этики, которую проводил Климент, чужда автору ПС. У него совершенно отсутствуют такие основополагающие для христианской морали понятия как "вера" (*πίστις*) и "любовь" (*ἀγάπη*).⁶ Если в своем понимании бога автор трактата более всего обязан платонизму и может быть назван, так же как Климент и Ориген, платонизирующим христианином, то оставив в стороне от своих интересов ряд чисто христианских понятий, он в этическом учении оказывается скорее стойком.

Но возникает вопрос, кто такой Сильван? Ведь из истории александрийского христианства это имя нам неизвестно. Признавая, что ПС бесспорно принадлежат александрийскому христианству, Я. Зандее вынужден был видеть в этом сочинении псевдоэпиграф. Имя Сильван хорошо известно из новозаветных текстов, где встречается как греческая форма *Σίλας* (Деян. ап. 15:22), так и латинизированная *Σιλουανός* (I Петр. 5:12, эта же форма и в коптском тексте). Именно этот Сильван, по мнению Зандее, и назван автором "Поучения". Однако есть сомнения, что это авторство было первоначальным.

В начале века Крам среди рукописей Британского Музея отметил пергаменный лист, содержащий текст каких-то поучений, автором которых был назван *ἀπὸ ἀνδωνίου*, т.е. известный египетский анахорет Антоний Великий. После того, как среди рукописей из Наг Хаммади были обнаружены ПС, стало очевидно, что перед нами один и тот же текст. Из сопоставления этих вариантов отчетливо видно, что оба коптских текста - независимые друг от друга переводы одного греческого оригинала. Встает вопрос, какое же авторство первично? Если в случае с именем Сильван перед нами псевдоэпиграф (поскольку совершенно ясно, что Сильван, спутник ап. Павла, не мог быть знаком с греческой философией), то и в случае с именем Антоний мы также имеем псевдоэпиграф (поскольку Антоний был египтянином, не знавшим греческого).

В свете сказанного позволим сделать предположение. В истории александрийского христианства первым автором, от которого дошли до нас сочинения, является Климент. Он возглавил около 200 г. александрийское огласительное училище, но мы знаем, что училище возникло задолго до Климента. Основной наш источник, Евсевий,

говорит, что до Климента там преподавал знаменитый своей ученостью муж, в прошлом стоик, по имени Пантен (Н.Е. V.10). В недошедшей до нас книге "Предначертаний" (известно по извлечению у Максима Исповедника) Климент рассказывает о Пантене как о своем наставнике. Из сочинений Пантена ничего до нас не дошло, но мы знаем, что после возвращения из Индии, куда он ходил с проповедью христианства, Пантен до конца жизни возглавлял училище, "разъясняя истину как живым словом, так и письменно" (Н.Е. V.10).

Если в сочетании *απα ανδωνιμος* мы предположим гаплографический пропуск одной буквы, мы получим чтение *απα{η}ανταινιμος* (через посредство *απα ανταινιμος*),⁹ т.е. Пантен. Если это предположение верно, тогда более понятным становится, почему Климент столь многим обязан стоицизму, ведь он был учеником Пантена, в прошлом стоика; почему, наконец, сами ПС не смогли выйти за рамки стоической морали.

Тексты из Наг Хаммади были переписаны в общине Пахома¹⁰ вероятнее всего в 50-е - 60-е гг. 4 в. Из различных житий Пахома, составленных примерно в это же время, мы знаем подвижника Сильвана. Возможно, имя Сильван появилось в названии трактата именно здесь, в монастырях Пахома.

1. Нумерация рукописей-кодексов дается по общепринятому ныне международному инвентарю, см. *The Nag Hammadi Library in English. Leiden, Brill, 1977, p. XIII-XIV.*
2. Здесь и далее первая цифра в скобках обозначает страницу рукописи, вторая - строку.
3. То, что около 50 текстов оказались в одном собрании, никоим образом не свидетельствует в пользу их гомогенного происхождения: они возникали на греческом языке во 2-3 вв. н.э. в разных концах Римской Империи и обязаны своим происхождением различным идеологическим движениям: христианству, гностицизму, герметизму.
4. Точнее "среднего" платонизма, т.е. той стадии в развитии платоновской мысли, которая предшествовала неоплатонизму.
5. Эллинистический иудаизм Филона многое дал александрийскому христианскому богословию, особенно Клименту.
6. Подробнее см.: А.Л.Хосроев "Поучения Сильвана" и александрийская школа (сдано в печать, ПС 29).
7. См. *Malcolm L. Peel - Jan Zandee. "The Teachings of Silvanus" from the Library of Nag Hammadi. - Novum Testamentum, XIV, 1972, p. 309.*

8. W.-P.Funk, Ein doppelt überliefertes Stück spätägyptischer Weisheit. - ZASA, Bd.103, 1976, Hft. 1, S. 8-21.
9. Случаи превращения одного имени в другое в рукописной традиции достаточно часты, ср., например, Ἀλκίνοος вместо Ἀλβίνοος (через посредство Ἀλκίνοος, см. J.Freudenthal. Der Platoniker Albinos und der falsche Alkinoos. Berlin, 1879,
10. Вопрос заслуживает специального рассмотрения; F. F.Wisse, Gnosticism and Early Monasticism in Egypt. - Gnosis. Festschrift für Hans Jonas, Göttingen, 1978, p. 431-440.

Шаталов О.В.

"КИТАЙСКИЕ ЗАПИСКИ" Ф.ЩЕГОРИНА
И РОССИЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХУШ ВЕКА

В современной зарубежной историографии общепризнанной и, как кажется, не требующей по отношению к себе особо критических замечаний стала точка зрения считать зародившуюся в начале ХУШ века так называемую "синоманию" чисто европейским, а, точнее сказать, французским явлением, распространившимся затем в виде моды в екатерининской России. Такого рода соображение принято объяснять последствиями развернувшегося еще в петровское время процесса "вестернизации" общественной жизни страны, в ходе которого "русские были не способны сконцентрировать внимание на собственном опыте по Китаю",¹ предпочитая довольствоваться переводами с французского записок миссионеров или, что было чаще, работами предстателей лагеря Просвещения на китайские сюжеты.

Как представляется, данный подход является неверным по существу. Во-первых, трудно согласиться с тем обстоятельством, что за таким интересным и достаточно своеобразным явлением, каким представляется увлечение Китаем видными деятелями просветительской мысли, равно как и определенными кругами западноевропейского и российского дворянства, было закреплено название моды. Что это было не просто прихотливое и экстравагантное увлечение экзотикой Востока говорит сам факт того "превращения", которому оказывался подвергнут Китай на литературной европейской почве. В условиях острого идеологического противостояния, которым ознаменована вся вторая половина ХУШ века, "китайская тематика" в силу своей содержательной мобильности становилась на уровень той конкретно-исторической полемики, которая была посвящена вопросам